

День за днем

Анатолий Аграновский, современный писатель

Рубрику ведет
Евгения РУБЦОВА

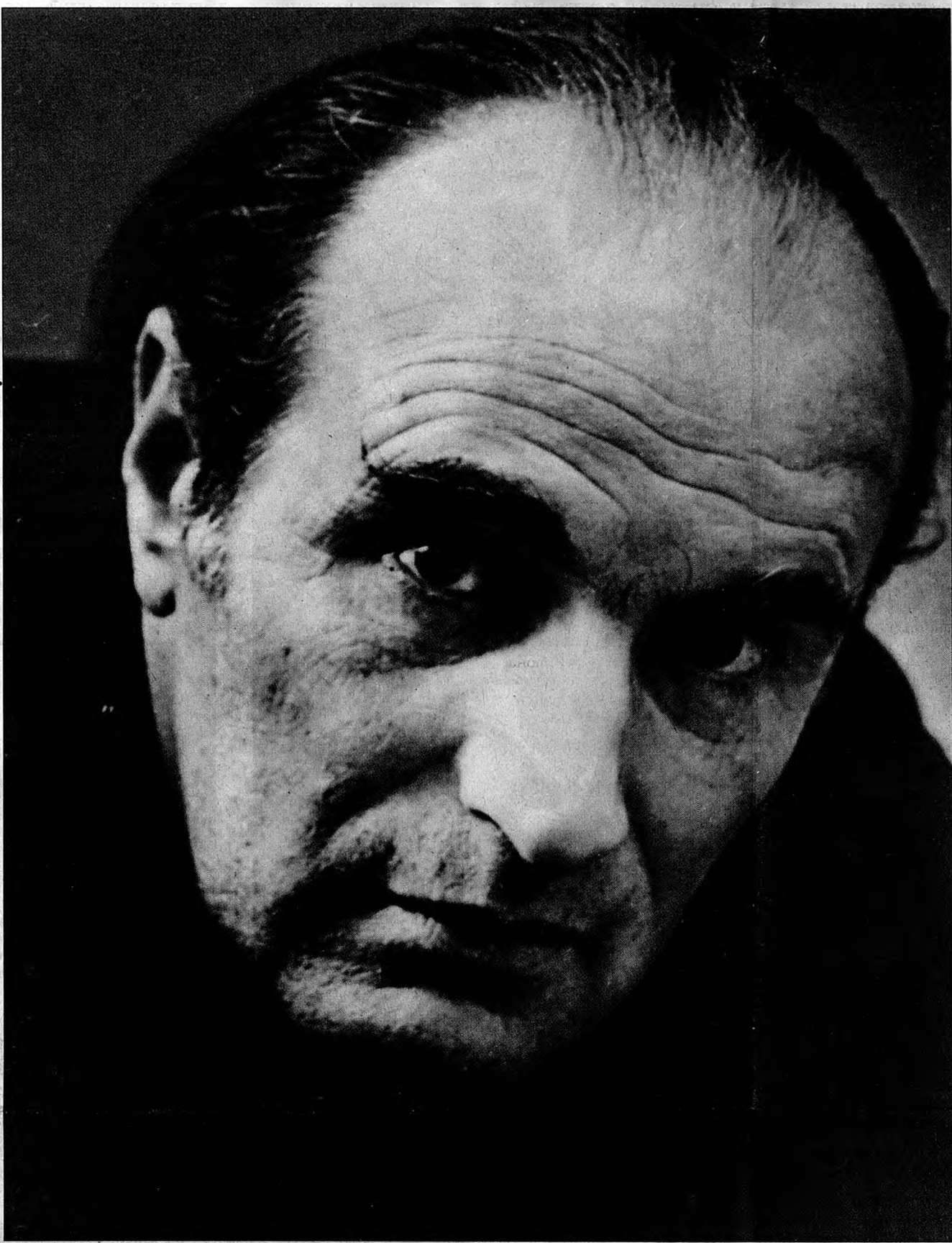
Двадцать лет назад умер Анатолий Аграновский. Выходит, выросло уже целое поколение читателей, не знающих, как это было: раскрывать газету и первым делом искать, нет ли в номере очерка Аграновского, который обязательно станет событием для миллионов людей.

А еще десяток лет назад ссылка на Аграновского была актуальным аргументом в спорах внутри тогдашней редакции «Известий». Это было короткое время, когда «Известия» были независимы не только от государства, но и от капитала: с 1992-го до весны 1997 года контрольный пакет акций принадлежал журналистам. Мы имели возможность делать газету по своему разумению, но не так просто оказалось понять, чего мы сами хотим. «Толя писал не так», — это звучало самым тяжелым упреком в устах некоторых коллег. Я принадлежал к числу тех, кто оправдывался: вся жизнь изменилась, сам Толя не стал бы сейчас писать так же, как тогда. Его очерки при этом не перечитывали: казалось, что помним наизусть. И точно помнили, какой ценой преодолевались цензурные препоны. Как приходилось портить написанное, чтобы обеспечить «проходимость». Стоит ли к этому возвращаться?

Ну и дураки же мы были! Не было надобности оправдываться, объясняя, почему Толя писал не так. Были все основания твердо отвечать: Толя писал именно так. Я снова перечитал «Суд да дело»: более современное произведение трудно представить. Никакая вата обязательных ссылок на мудрые решения «партии и правительства» не может скрыть главного: тогда, в 1967 году, спецкор правительственной газеты Анатолий Аграновский утверждал и защищал рыночные свободы и свободолобивых деловых людей — и нужды нет, что запрещенное слово «рынок» он никогда не употреблял.

Напомню для тех, кто ту эпоху не знал или забыл: между 1964-м, когда оборвалась хрущевская «оттепель», и осенью 1968-го, когда вторжение в Чехословакию обозначило начало застоя, уместилась короткая эпоха робких надежд. «Косыгинская» реформа уже была объявлена, но еще не была придумана. На деле самым реальным оказалось ее деревенское ответвление: колхозам были дозволены подсобные промыслы. Они стали своеобразным провозвестником будущей «кооперативной реформы» горбачевской эпохи. Вся бюрократия, нутром чувствуя угрозу своей власти, кинулась их душишить, вся тогдашняя демократия кинулась их защищать. Многих председателей, поверивших этим росткам свободы и возмечтавших вытиснуть свои колхозы из нищеты, сняли с должностей, исключили из партии, многих посадили в тюрьму. Аграновский описал суд над людьми из колхоза имени XX партсъезда Подольского района Московской области. Читая сегодня его «Суд да дело» и диву даюсь: будто сегодня написано, идет борьба тех же идей, таких же людей, разве только пропагандистские одежды изменились — да и то самую малость.

Сельскохозяйственная деятельность была убыточной ввиду установленных в плановом порядке низких закупочных цен. Можно было и при низких ценах вести хозяйство прибыльно, но для этого требовалось вложить деньги в новые технологии. А денег не было ввиду убыточности производства. Замкнутый круг. Так строилось общество, в котором была Продовольственная программа, но не было продовольствия. Разрешение (только лишь разрешение!) заводить на селе свою промышленность дало надежду предприимчивым людям. Председатель колхоза Горячкин нанял бригаду пришлых людей (их обычно называли «шабашниками»), которые взялись устроить в колхозном сарае промышленный цех: из заводских отходов (только из отходов, кондиционных материалов им не полагалось) на реставрированном старом оборудовании делали нужный товар: электрические рубильники на мраморных щитах (обломки мрамора — со свалки на метростроевском заводе). Прибыль направляли на развитие сельскохозяйственного производства. Горячкин отчитывался в суде как на партхозактиве: построили овощехранилище, пруды с зеркальными карпами, водопровод в трех селах, детские

Текст Отто ЛАЦИСА

ДАТА

ясли, склад удобрений, животноводческие постройки с полной механизацией. «Теперь и молоко рентабельно», — сказал Горячкин.

Аграновский продолжает:

«— Ну хорошо, сказала, выслушав Горячкина, судья, молодая еще, миловидная женщина. — А теперь вы подняли колхоз?»

— Можно считать, да.

— Так пора уже вам, коммунисту, кончать с этим... С этой вашей частнопредпринимательской деятельностью.

Горячкин помолчал.

— Нет, — сказал он. — Рановато еще. Надо погодить».

Это написано не сегодня, а 37 лет назад. Про басманные правосудие в те времена не слыхивали. Но женщина из Подольского суда уже всё знала и умела. То есть бороться с бедностью она бы не смогла, но с богатством — за милую душу. Всё предъявили людям, которые озолотили бедный колхоз, не взяв ни копейки у рабывали. Судья, не уставшая воспитывать стоявших перед ней людей дела, объяснила с предельной убедительностью: у нее, у судьи, оклад 110 рублей, а они зарабатывали больше двухсот. Публика соглашалась: до двухсот — честно, больше — нечестно.

И находить хищение в том Подольском суде умели ничуть не хуже, чем в судах нынешних. Это для простых людей было бы трудно ответить на вопрос, в чем же хищение, если ни у кого ничего не убыло, а везде только прибыло. А для тогдашних подольских следователей, как и для нынешней прокуратуры, проблемы не было. Аграновский писал: «Уникальное открытие подольских экспертов состоит в том, что заводские расценки на изготовление рубильников на оборудовании делали нужный товар: электрические рубильники на мраморных щитах (обломки мрамора — со свалки на метростроевском заводе). Прибыль направляли на развитие сельскохозяйственного производства. Горячкин отчитывался в суде как на партхозактиве: построили овощехранилище, пруды с зеркальными карпами, водопровод в трех селах, детские

не тех, кто разорвал колхоз, проедал суды, взятые у государства, выкидывал сырье на свалку. Судили тех, кто пустил сырье в ход, наладил нужнейшее производство, озолотил колхоз. И какой-нибудь бездельник, заваливший не одно важное дело, мог ходить в порядочных да еще, пожалуй, поглядывал свысока на этих оборотистых, которые дела поднимали и вытягивали.»

Уголовное преследование в отношении Горячкина было прекращено не по обстоятельствам самого дела — вина его у суда сомнений не вызвала. Оно было прекращено потому, что Горячкин оказался депутатом сельсовета, а по закону депутата можно было судить только с согласия Совета. Сельсовет же на просьбу суда ответил отказом, что само по себе было не рядовым случаем.

Не рядовым был и автор очерка. Нет, ему не могло послужить защитой то, что он был лучшим журналистом страны. Не могла его защитить от партийных чиновников — вплоть до членов Политбюро — и редакция правительственной газеты, в которой он работал. Уникальным защитником для Аграновского был Георгий Цуканов, помощник Брежнева, которому Аграновский время от времени помогал писать речи вождя. Но в данном случае это помогло только отбиться от нападков на очерк, посвященный защите Горячкина, которого и без того отбил у судей сельсовет. Зато для Ребрикова спасения не было. Ребриков — это был тот самый нанятый Горячкиным бригадир «шабашников», который и организовал всё дело. Предприниматель, говоря сегодняшним языком. Он был осужден, на прямую защиту его не мог посягнуть и Аграновский, который лишь попытался, сколько мог, возбудить у читателей симпатии к человеку дела и возмущение самой нелепостью судилища. В те годы осужденные были десятки тысяч таких «частных предпринимателей», которых не сразу освободили даже после того, как частное предпринимательство в новой России было узаконено.

Однако в 1967 году, когда написан был очерк «Суд да дело», борьба за реформу еще продолжалась, сохранялись призрачные надежды на победу здравого смысла или хотя

бы инстинкта самосохранения бюрократии. Годом позже, когда танки прогремели по Праге, даже призрачных надежд не осталось. Вот после этого, в 1971-м, Аграновский вернулся к теме предпринимчивых людей, ставшей уже совсем «непроходной». Он написал о латвийском колхозе «Адажи», прославившемся успешным развитием подсобных промыслов.

Одним из эпизодов этого очерка была история теплиц с пленочным покрытием: оно оказалось дешевле стеклянного, а огурцы под пленкой росли лучше. Но не стало пленки: ее расхватали, когда другие колхозы узнали об опыте «Адажи». Нашли завод, который не знал, куда девать бракованную, рваную пленку, даже пытался вывести бактерий, чтобы ее поедали. Председатель колхоза Кукелис сказал: «Но атомы-то в ней целы!» Колхоз наладил установку по производству новой пленки из отходов, продавал пленку желяющим по всей Латвии. «Год назад, — писал Аграновский, — Херсонская область просила полиэтилен в Госплане СССР, а фондов не было; тогда позвонили в «Адажи», и колхоз помог, выделил двадцать тонн.» Провозвестники рынка сделали то, чего не могло плановое хозяйство.

Перед тем, как сдавать очерк про «Адажи», Толя прочитал его мне — была у него привычка проверять работу сначала на своих друзьях. И

после чтения сказал с какой-то странной улыбкой:

— Знаешь, как я хочу его назвать? «С отвагой и весельем победителей».

— Каких еще победителей?

— Да я вот вычитал у Тита Ливия, что перед решающей битвой римлян с карфагенянами римский консул Публий Корнелий сказал своим войскам: «Сегодня мы будем сражаться с отвагой и весельем победителей, они — со страхом и унынием побежденных».

Тут до меня дошла горечь его улыбки. Мы, конечно, не могли угадать, что бездарность брежневского руководства угрожает самому существованию государства, в котором мы родились. Но после разгрома «пражской весны» сомнений не оставалось: надежды на победу здравого смысла отодвигаются надолго. Именно поэтому Аграновский и хотел заявить: те, кто мешает нормальному устройству нашей жизни, победить не могут. Знать бы, как дорого обойдется нам их поражение...

Очерк про деловых людей из «Адажи» так и вышел с малом кому понятным заголовком: «С отвагой и весельем победителей».

Уже двадцать лет его нет. И двадцать лет до того я дружил с ним и был горд дружкой с таким необыкновенным человеком. Только недавно я вдруг понял: он был такой же, как все мы, его друзья. Только талантливее.